

ВЕЧНЫЙ АДАМ

Фантастическая повесть

Зартог Софр-Аи-Ср, что означало: «доктор, третий представитель по мужской линии 101-го поколения Софр», медленно шел по главной улице . Базидры, столицы Арс-Итен-Шу, иначе говоря «Империи четырех морей». Эта обширная страна с причудливыми географическими очертаниями в самом деле омывалась четырьмя морями: с севера — Тюбелонем, с юга — Эоном, с востока — Споном и с запада — Мероном. Ее крайние пределы, исчисляя в известной читателю системе координат, достигали 4° восточной и 69° западной долготы, 54° северной и 55° южной широты. Общую поверхность морей измерить можно было лишь приблизительно, ибо все воды сливались в единый Мировой океан. И если мореплаватель, отправляясь в путь от одного из берегов, все время продолжал плыть вдоль него, он непременно попадал на противоположный берег — ведь на всем земном шаре не существовало другого материка, кроме Арс-Итен-Шу.

Из-за сильной жары Софр шел очень медленно. Наступали знойные дни. Солнце, достигшее зенита, низвергало лавину палящих лучей на Базидру, стоящую на побережье Спон-Шу (Восточного моря), менее чем в 20° от экватора.

Но груз мыслей еще сильнее, чем усталость и зной, замедлял шаги Софра, ученого — зартога. То и дело машинально вытирая лоб рукой, он вспоминал только что окончившееся заседание, где столько красноречивых ораторов (а он с гордостью мог бы сказать, что был в их числе) торжественно восславляли сто девяносто пятую годовщину основания империи.

Некоторые из ученых напомнили ее историю и тем самым историю всего человечества. Они рассказали о Мар-арт-Итен-Шу, «Земле четырех морей», в доисторическую эпоху населенной множеством диких разобщенных племен. Именно с этими племенами связывали происхождение древнейших народных традиций страны. О более ранних событиях вообще ничего

не было известно, и лишь с недавних пор ученые, опираясь на естественные науки, начали различать слабые проблески истины в непроницаемых дебрях прошлого. Во всяком случае, эти давно ушедшие времена ускользали от критического взора истории, и элементарные представления о прошлом складывались из неясных сведений, относящихся к отдельным первобытным племенам.

На протяжении более чем восьми тысячелетий история Маарт-Итен-Шу, постепенно обрастая фактами, представляла собой сплошную цепь сражений и войн — сначала человек шел на человека, затем сражались между собой родовые общины, и, наконец, в войну вступали целые пле-

мена. В течение многих веков все живое преследовало одну цель — любыми путями упрочить свое превосходство над соперником и подчинить его своим законам.

И только восемьдесят столетий спустя исторические сведения становились более определенными. В начале второго из четырех периодов, на которые подразделялись летописные своды Маарт-Итен-Шу, легенда уступила место истории. Впрочем, тема повествования совершенно не меняется — все те же побоища и кровопролития, но уже не между племенами, а между народами. Так что, собственно говоря, этот второй период мало чем отличался от первого. То же можно сказать и о третьем периоде, длившемся

Повесть «Вечный Адам» была написана Жюлем Верном в последние годы жизни и опубликована в посмертном сборнике его произведений «Вчера и завтра» (1910). В творческом наследии великого фантаста эта вещь занимает особое место. Как и другие французские писатели (Г. Флобер, А. Франс), отдавая дань модной в то время теории движения истории по замкнутым циклам, Жюль Верн изображает внезапную геологическую катастрофу, в результате которой на Земле остается лишь горстка людей, вынужденных в борьбе за существование начать «все сначала».

Казалось бы, концепция пессимистическая. Так зачастую

и трактуют «Вечного Адама» зарубежные исследователи. Но если вдуматься в замысел, то он куда более сложен и не укладывается в однолинейную схему. Писатель, ставя уцелевших людей в невероятно трудные условия, доводящие их потомков до состояния дикости, вместе с тем прославляет Человека, этого «вечного Адама», который никогда не останавливается на достигнутом и неуклонно движется к своей цели — «совершенствованию познания и владычеству во вселенной».

Любопытно, что основное действие повести относится к грядущему тысячелетию, когда люди уже научились летать к планетам солнечной системы,

около шести веков и закончившемся примерно два столетия назад. Этот третий период был, по-видимому, еще более жестоким, чем предыдущие: несметные армии людей с неуголимой яростью поили землю собственной кровью.

Немногим более восьми столетий назад с того дня, как Софр шел по главной улице Базидры, человечество стояло на пороге великих преобразований. К этому времени оружие, огонь и насилие частично исполнили свою необходимую миссию подчинения слабым. Все население Маарт-Итен-Шу делилось на три однородные нации, в которых время уже стерло различия между прежними победителями и побежденными. И именно тогда одна из этих наций

предприняла попытку подчинить себе остальные. Андарты-А-Самгор, или «Люди с бронзовыми лицами», жившие в центре Маарт-Итен-Шу, вели яростную борьбу за расширение границ, в тисках которых они задыхались. Постепенно этот пылкий плодовитый народ в результате вековых войн победил А-Маарт-Орис, или «Людей из страны снегов», населявших южные области, и А-Митра-Псюл — «Людей с неподвижной звезды», населявших север и запад.

Почти двести лет утекло с тех пор, как последняя попытка сопротивления двух покоренных народов была потоплена в крови, и на земле, наконец, установился прочный мир. Наступил четвертый пе-

---

мечтали о путешествиях к звездам и благодаря неслыханным достижениям медицины надеялись обрести физическое бессмертие. Затем происходит всемирный потоп, и по прошествии многих тысячелетий нового поступательного движения успехи цивилизации и прогресса делают возможным археологические раскопки, нахождение и расшифровку рукописи, определяющей сюжет повести. Пройдет еще какое-то время, и человечество, заново повторив пройденный путь, возместит все потери, вызванные воображаемой катастрофой.

Важно также отметить критическое отношение автора к библейскому мифу об Адаме и Еве, который истолковывает-

ся Жюлем Верном отнюдь не в религиозном смысле, а как некий поэтический символ вечного и неустанного восхождения ищущей мысли, воплощенной в Человеке, представляющем вершину биологической эволюции.

«Вечный Адам» печатался на русском языке в старом «Мире приключений» (1911, № 1, 2), но не был включен ни в одно собрание сочинений Жюль Верна.

Это малоизвестное произведение родоначальника научно-фантастического романа публикуется в новом переводе по тексту упомянутого сборника «Вчера и завтра».

Е в г. Б р а н д и с

риод истории. Три прежних нации сплотились в единой империи. Повсюду действовали законы Базидры, и политическая общность способствовала смешению народностей. Никто не говорил больше о «Людах с бронзовыми лицами», о «Людах из страны снегов», о «Людах с неподвижной звезды». Землю заселяла единая нация — Андарт-Итен-Шу («Люди четырех морей»), воплотившая в себе черты всех прежних племен.

И вот после двух столетий мирной жизни, казалось, наступал пятый период. Люди распространяли невесть откуда возникшие неприятные слухи. Объявились идеологи, которые стали пробуждать допотопные воспоминания. Древние родовые инстинкты возрождались в новых обличьях и выражались в недавно возникших словах: род, национальность, тотчас ставших обиходными. В зависимости от происхождения, физических свойств, духовного склада или просто географической общности начали создаваться отдельные группировки.

Мыслящих людей волновало: какую форму приобретет эта зарождающаяся эволюция? Неужели империя распадется, и Маарт-Итен-Шу будет, как в былые времена, разделена между бесчисленными враждующими племена-

ми? Неужели, чтобы не допустить этого, снова придется прибегнуть к насилию, столько тысячелетий превращающему землю в арену кровопролитных сражений?

Софр тщетно пытался отогнать эти мысли. Ведь еще неизвестно, что ждет нас в будущем: к чему тревожить себя догадками? Да и не время предаваться этим мрачным размышлениям. Сегодня полагалось ликовать и прославлять августейшее величие Могхара-Си, двенадцатого императора Арс-Итен-Шу, чей скипетр вел планету к знаменательной судьбе. К тому же любой зартог имел все основания радоваться. После историка, который описал пышность империи Маарт-Итен-Шу, выступила целая плеяда ученых, и каждый в своей области науки подвел итог развитию человеческой мысли и достижений цивилизации, увенчавших вековые усилия разума. И если первый оратор навел на грустные размышления, описывая, каким долгим и тернистым путем человечество шло от первоначального животного состояния, то другие, напротив, возбуждали у слушателей чувство законной гордости.

Действительно, сравнение первобытного человека — голого и безоружного — с человеком сегодняшнего дня вселяло веру в будущее. На про-

тяжении долгих веков, несмотря на раздоры и братоубийственную ненависть, человек ни на минуту не прекращал борьбы с природой, укрепляя свои победы.

Его триумфальное шествие, сначала медленное, поразительно ускорилося за последние двести лет. Политическая стабилизация и всеобщий мир способствовали небывалому подъему науки. Человечество стало жить, руководствуясь деятельностью мозга, а не только силой своих рук; оно мыслило, а не растрчивало себя в бессмысленных войнах. Поэтому два века назад оно начало постигать тайны материи...

Продолжая идти под палящим солнцем по главной улице Базидры, Софр мысленно рисовал широкими мазками картину человеческих завоеваний.

Сначала, в незапамятные времена, человек изобрел письменность, чтобы запечатлеть свои мысли. Затем, примерно пять столетий назад, он нашел способ размножать написанное в неограниченном количестве оттисков при помощи отливной матрицы. Это изобретение породило все последующие. Оно вызвало первое брожение умов, дало толчок духовному развитию человека, а отсюда пошли и бесчисленные открытия во всех областях теории и практики.

Человек проник в недра Земли и извлек оттуда уголь, щедро отдающий заключенное в нем тепло. Человек поставил себе на службу скрытую силу воды. Отныне пар тащил по железным дорогам тяжелые составы и приводил в движение множество громадных машин, работающих с непогрешимой точностью. С помощью этих механизмов человек обрабатывал растительные волокна, металлы, мрамор и камень.

Углубляясь в область абстрактного мышления, он шаг за шагом проникал в тайну чисел и постигал бесконечность математических истин. От математики человек перешел к изучению небесных светил. Он узнал, что Солнце — это огромная звезда, которая движется во вселенной и по строгим законам тяготения удерживает на огненной орбите семь планет-спутников¹.

Человек познал искусство образовывать из простых веществ сложные, не имеющие ничего общего с первоначальными, и разлагать их на составные элементы. Он подверг анализу теплоту, звук, свет и начал изучать их свойства и законы. Полвека назад он овладел таинственной движущей

---

¹ Следовательно, Андарт-Итен-Шу не знали Нептуна. (Прим. автора.) (При жизни Жюль Верна было известно восемь планет солнечной системы, девятая — Плутон — была открыта в 1930 году. Прим. переводчика.)

силой, которая способна вызывать гром и молнии, и тотчас же подчинил ее себе. Сегодня эта сила передает на неизмеримые расстояния запечатленное слово, завтра она будет передавать звук, а затем, несомненно, и изображение¹.

Да, человек велик! Очень скоро он станет властелином бескрайней вселенной!

Теперь предстояло овладеть абсолютной истиной, решив последнюю проблему: кто этот человек, подчинивший себе весь мир? Откуда он появился? Что будет венцом его неустанных усилий?

Именно этот важный вопрос обсуждался на конференции, которую только что покинул зартог. Разумеется, Софр лишь слегка затронул этот вопрос, поскольку он еще долго останется неразрешимым. Однако проблески догадки начали приоткрывать завесу этой тайны. В большой степени в том была заслуга самого зартога Софра. Собрав и систематизировав наблюдения своих предшественников и собственные исследования, он вывел закон эволюции живой материи, завоевавший всеобщее признание.

Эта теория базировалась на трех науках. Прежде всего на

¹ К тому моменту, когда зартог Софр предавался своим размышлениям, Андарт-Итен-Шу уже изобрели телеграф, но не знали телефона и телевизора. (Прим. переводчика.)

геологии, которая зародилась вместе с раскопками земных недр и совершенствовалась по мере развития горных разработок. Земная кора была так тщательно изучена, что стало возможным установить ее возраст — около четырехсот тысяч лет. Материку же Маарт-Итен-Шу было двадцать тысяч лет. Первоначально весь континент покоился под водой, о чем свидетельствовал толстый слой ила, полностью покрывающий подземные скалистые пласты. Каким же образом материк поднялся над водами? Скорее всего вследствие сжатия охлажденной земной поверхности, иначе трудно было объяснить его появление. Двумя другими основаниями для теории Софра послужили биология и археология. Было установлено тесное родство как внутри растительного, так и животного мира. Софр убедительно доказал, что почти вся существующая флора происходит от одного морского растения, а вся фауна, населяющая небо и землю, — от морских животных.

По закону эволюции они приспособлялись к условиям жизни на Земле, отличным от условий их примитивного существования в водной стихии. Проходя постепенно через все стадии развития, они породили как раз те самые виды, которые населяли отныне Землю и воздух.

К сожалению, эта теория была уязвимой. Происхождение животного и растительного миров от морских предков казалось бесспорным, но существовало несколько представителей флоры и фауны, которых невозможно было отнести к происшедшим от морских организмов. Это и было одним из двух уязвимых звеньев теории Софра.

Человек — зартог не мог обманывать себя — был другим слабым звеном его теории. Не подлежало сомнению, что между человеком и животным нельзя было установить никакого сходства. При том, что основные свойства и функции — дыхание, питание, движение — осуществлялись одинаково, между внешним обликом, числом и расположением органов существовало непреодолимое различие. Тем самым предположение о родстве человека с морским предком было абсолютно недопустимым.

Чтобы сохранить цельной теорию эволюции, необходимо было выдвинуть гипотезу — впрочем, совершенно бездоказательную, — по которой человек и водная фауна имели бы одного общего предка. Но его существование в первобытный период не подтверждалось никакими данными.

Одно время Софр надеялся найти убедительные доказательства своей теории. По его

предложению и под его руководством в течение многих лет велись раскопки, но их результаты не только не подтвердили ожидания, а оказались полностью противоположными. Под тонким слоем перегноя, образованного из разложившихся остатков растений и животных, открылся толстый пласт ила совершенно иного состава. В этом иле не было и признака современной флоры и фауны, зато обнаружилось колоссальное скопление морских ископаемых, которые существовали и теперь, чаще всего в океанах, опоясывающих Маарт-Итен-Шу. Какой же следовало сделать вывод?

Да, правы были геологи, заявляя, что когда-то весь континент представлял собой дно океана, и не ошибался и Софр, установив морское происхождение современных растений и животных. Поскольку, кроме водяных и наземных форм, не было найдено почти никаких следов жизни иного происхождения, то, безусловно, последние произошли от первых.

Но, к сожалению, этот вывод никак не складывался в законченную теорию, потому что в ходе раскопок были сделаны и другие находки...

Во всей толще перегноя и в верхнем слое ила попадалось огромное количество человеческих костей. Ничего необыч-

ного в строснии этих скелетов замечено не было, и Софр был вынужден отказаться от мысли найти здесь следы переходных стадий, которые могли бы подтвердить его теорию. Все эти кости были самыми обыкновенными человеческими костями. Однако очень скоро была установлена одна примечательная закономерность — до определенного периода, который, по приблизительным подсчетам, завершился две-три тысячи лет назад, чем древнее были кости, тем меньшего объема были черепа. Но до этого временного пласта процесс шел в обратном направлении — чем глубже заглядывали в прошлое, тем больше был объем черепов и, следовательно, размеры мозга.

Максимальная величина черепа встречалась среди довольно редких останков, найденных на поверхности илистого слоя.

Их тщательное исследование не позволило усомниться в том, что в ту далекую эпоху люди стояли на более высокой ступени умственного развития, чем их потомки, включая и самих современников Софра.

Следовательно, на протяжении шестнадцати или семнадцати тысячелетий происходил явный регресс, за которым следовал новый подъем.

Софр, взволнованный этими

странными фактами, еще больше углубился в свои раскопки. Был тщательно взрыт слой ила на такой глубине, что, по самым осторожным подсчетам, найденные отложения относились к эпохе, отстоящей на пятнадцать-двадцать тысячелетий. Под этим слоем, к всеобщему удивлению, были найдены едва заметные следы перегноя, а еще глубже — известняки различных пород. Но изумлению не было границ, когда и на этой таинственной глубине были обнаружены человеческие останки, а кроме того, обломки орудий, машин, глиняные черепки, обрывки надписей на незнакомом языке, художественно обработанные камни, хорошо сохранившиеся статуи, искусно высеченные капители и многое другое.

Все найденное приводило к логическому заключению, что около сорока тысяч лет назад (то есть за двадцать тысяч лет до того момента, когда внезапно, неизвестно откуда и как, появились первые представители современной расы) на этом месте уже жили люди, достигшие очень высокого уровня цивилизации.

Таково было официальное заключение. Однако существовал один инакомыслящий. Им был не кто иной, как сам Софр.

Предположение, что древние люди, отделенные от со-

временного человечества пропастью в двадцать тысяч лет, первыми населяли Землю, казалось просто безумием. Откуда же произошла в таком случае современная раса, если у нее не было никакой связи с далеким прошлым? Трудно было принять эту абсурдную гипотезу, но и не следовало приходить к выводу, что загадочные обстоятельства вообще необъяснимы. Можно не сомневаться, что они будут разгаданы, а пока лучше исходить из принципов, не противоречащих здравому смыслу.

Жизнь на планете делится на две фазы: дочеловеческая и человеческая. Вначале на Земле происходили вечные превращения, поэтому она и была необитаемой. Позже земная кора затвердела, и на этой твердой опоре возникла жизнь. Ее зарождение началось с простейших форм, которые, развиваясь, воплотились в самое позднее и совершенное произведение эволюции — человеческое существо. С появлением первого человека начинается прогресс. Медленно, но уверенно человек движется к своей цели — совершенствованию познания и владычеству во вселенной.

Глубоко задумавшись, Софр прошел мимо собственного дома. Раздосадованный, он повернул обратно. «Как,—думал он,—возможно ли, чтобы человек уже четыреста веков

назад находился на равной нам, а то на еще более высокой ступени развития? Может ли быть, что все его знания и открытия бесследно исчезли, и потомки были вынуждены начать все сизнова, как если бы они первыми появились на этой необитаемой до них планете? Но думать так — значит отрицать будущее, отрицать пользу собственного труда... Возможно ли, что весь прогресс, достигнутый человечеством, так же непрочен, как мыльный пузырь?»

Софр остановился у своего дома. «Упса ни! Артшок! Нет! Никогда! Андарт мир оспа! Человек — властелин мира!» — шептал он, входя в дверь.

* * *

Немного отдохнув, зартог с аппетитом поел, затем снова прилег, чтобы, как обычно, вздремнуть после обеда. Но вопросы, над которыми он размышлял, возвращаясь домой, неотступно преследовали его, мешая уснуть.

Как ни велико было желание Софра сформулировать, наконец, свою теорию, критический ум ученого мучил неразрешимый вопрос — происхождение человека. В споре с другими Софр мог доказать правильность теории при помощи прежних гипотез, и лишь самого себя он не мог убедить. Если бы Софр был

простым смертным, а не выдающимся ученым, он не был бы так обескуражен. Народ, не задумываясь, слепо верит в легенду о сотворении мира, которая с незапамятных времен передается от отца к сыну. Объясняя одно чудо другим, легенда приписывает сотворение человека вмешательству высшей силы. В один прекрасный день эта высшая сила сотворила из ничего Хидема и Хиву, мужа и жену, потомство которых населило Землю. Эта легенда очень просто объясняет сразу все загадки. «Даже слишком просто», — думал Софр. Разумеется, удобнее всего прибегнуть к вмешательству божества, когда ты не можешь ответить на трудные вопросы. Это доказывает бессцельность попыток объяснить загадки вселенной. Впрочем, в этом случае не существует и загадок. Все всегда можно приписать божеству.

Если бы это было хоть народной легендой! А то досужий вымысел, родившийся в эпоху глубокого невежества и передававшийся веками от поколения к поколению. Взять даже имя первого человека — Хидем. Откуда это странное слово с его диким звучанием, совсем отличным от слов языка Маарт-Итен-Шу? Над этой маленькой филологической трудностью бились многие ученые, но так и не нашли

разгадки. Хватит. Зартог не должен обращать внимания на пустяки.

В сильном волнении Софр вышел в сад. Впрочем, именно в это время он по обыкновению совершал прогулки. Заходящее солнце уже не так сильно обжигало землю, а со Спон-Шу поднимался легкий ветерок. Бродя по тенистым аллеям, где морской ветер шептался с трепещущей листвой, Софр понемногу успокаивался. Он выбросил из головы навязчивые мысли и спокойно наслаждался свежим воздухом, плодами сада, цветами, яркими красками.

Случайно он вновь очутился у дома и остановился перед глубокой ямой, в которую было свалено множество старых, ненужных инструментов, применявшихся в разных отраслях науки. Здесь, рядом со зданием старой лаборатории, готовили к закладке фундамент новой. Но в этот праздничный день на строительстве никого не было — все рабочие отдыхали. Софр машинально прикинул, много ли осталось работы, и вдруг в глубине ямы заметил какую-то блестящую точку. Подстрекаемый любопытством Софр спустился на дно и извлек странный предмет.

Это был футляр из неизвестного металла зернистой структуры, серебряного цвета, потускневший от долгого пре-

бывания в земле. Он состоял из двух половинок, плотно пригнанных одна к другой. Софр попытался их открыть, но металл, разъеденный временем, рассыпался в его руках, высвободив спрятанный в нем предмет, который, как и футляр, был сделан из незнакомого материала. Перед Софром было множество мелких листков, покрытых непонятными знаками, правильное расположение которых навело на мысль, что это рукопись. Софр никогда не видел письменности, даже отдаленно похожей на эту.

В нетерпении зартог поспешил запереться в лаборатории. Он бережно разложил драгоценный документ и внимательно разглядел его.

Да! Он был абсолютно уверен, что это письмена. Но Софр не сомневался и в том, что никогда на Земле не было ничего подобного. Откуда этот документ? Что он означает? Эти два вопроса сами собой возникали в сознании Софра. Но чтобы ответить на первый, необходимо было прежде найти ответ на второй... Сначала нужно прочесть и перевести рукопись, так как можно утверждать а priori, что язык этого документа так же неизвестен, как и письмена. Неужели нельзя расшифровать? Софр не сомневался в успехе. Немедля он лихорадочно принялся за работу.

Этот труд продолжался долгие годы. Но Софр не бросил начатое. Не теряя присутствия духа из-за неудач, медленно, шаг за шагом углублялся он в изучение таинственных знаков, мало-помалу приближаясь к постижению написанного. И вот наступил великий день, когда ключ от еще нерасшифрованного загадочного манускрипта был в руках у Софра. Вскоре он смог перевести — правда, еще с большим трудом — найденную рукопись на язык «Людей четырех морей».

Когда наступил этот день, зартог Софр-Аи-Ср прочел следующее:

* * *

Р о с а р и о, 24 мая 2... г.

Эти строки пишутся далеко от Росарио. С тех пор прошло много лет, но эту точную дату я указал не случайно, как не случайна и выбранная мною форма дневника, который ведется изо дня в день. Ведь в подобных рассказах, мне кажется, нужно придерживаться документальной точности.

На каком языке мне писать? На английском или на испанском? Я одинаково хорошо владею обоими. Нет! Я буду писать по-французски — на моем родном языке.

Я начинаю рассказ об ужасных событиях, происшедших 24 мая. Хотелось бы, чтобы написанное здесь дошло до

моих потомков в назидание им. Впрочем, может ли человечество надеяться на какое-то будущее?

В тот день я пригласил к себе на виллу в Росарио нескольких друзей.

Росарио — город (вернее, это был город) в Мексике, на берегу Тихого океана, немного южнее Калифорнийского залива. Я поселился там десять лет назад для разработки серебряной руды на принадлежащем мне участке. Мои дела шли на редкость удачно — я преуспевал. Я был богат, очень богат — сегодня это слово вызывает у меня лишь усмешку. Я предполагал в скором времени вернуться на родину, во Францию.

Моя вилла, утопающая в зелени, — одна из самых роскошных в Росарио, стояла на вершине холма, который спускался к морю, внезапно обрываясь острым утесом высотой более ста метров. За домом начиналось множество извилистых тропинок, которые вели к горному хребту. Его высота превосходила полторы тысячи метров. Я часто поднимался в горы на своем автомобиле — отличном фаэтоне французской марки мощностью в тридцать пять лошадиных сил. Это была приятная прогулка.

Я жил в Росарио с сыном Жаном, красивым двадцатипятилетним парнем, и прием-

ной дочерью — двадцатилетней Элен. Пять лет назад после смерти дальних, но дорогих мне родственников я взял ее на воспитание круглой сиротой без всяких средств к существованию. В глубине души я предназначал Элен и Жана друг другу.

Нас обслуживали лакей Жермен, расторопный шофер Модест Симона, Эдит и Мари — дочери садовника Жоржа Релей — и его жена Анна.

В тот памятный день мы сидели за столом, освещенным лампами, питающимися от выстроенной в саду электростанции. Кроме нас троих, было еще пятеро гостей, трое из них англосаксы, а двое мексиканцы.

Доктор Бэсэртс принадлежал к первым, а доктор Морено — ко вторым. Это были ученые в самом широком смысле слова, что, Впрочем, не мешало им постоянно спорить между собой. А в сущности, они были славные люди и лучшие в мире друзья.

Второго англосакса звали Уильямсон. Он владел крупным рыбным промыслом в Росарио. Третий — Роулинг — был смельчак, отважившийся разводить в окрестностях города разные внесезонные фрукты и овощи, которые уже начинали приносить ему крупный доход.

И наконец, последним из

гостей был сеньор Мендоса — председатель городского суда, человек весьма уважаемый, просвещенный и неподкупный судья.

Обед подходил к концу без особых происшествий. Я забыл, о чем мы говорили за столом, но отлично помню весь разговор, который велся за сигарами. Не скажу, чтобы тема было особенно интересной, но внезапные события, последовавшие вскоре, послужили как бы трагической иллюстрацией к нашей беседе. Поэтому я и запомнил ее на всю жизнь. Не знаю почему, речь вдруг зашла об удивительном прогрессе, достигнутом человечеством. Вдруг доктор Бэсэртс сказал:

— Действительно, если бы сейчас Адам (конечно же, как истинный англосакс он произносил Эдем) и Ева (он произносил, разумеется, Ива) вернулись бы на Землю, они были бы здорово удивлены...

Эти слова вызвали спор. Морено, ярый дарвинист, убежденный сторонник теории естественного отбора, язвительно спросил Бэсэртса, верит ли он в легенду о земном рае? Бэсэртс отвечал, что он, по крайней мере, верит в бога и что существование Адама и Евы подтверждено библией, поэтому он не смеет это оспаривать. Морено парировал: он верит в бога не меньше, чем его собеседник,

но первый мужчина и первая женщина могли быть лишь мифом, иначе говоря, не более чем символами. Тогда вовсе не будет богохульством предположить, что библия хотела таким образом олицетворить дыхание жизни, внесенное животворящей силой в первую клетку, из которой произошли все остальные.

Бэсэртс возразил, что такое объяснение несостоятельно и, по его мнению, человечеству куда более лестно считать себя произведением самого божества, чем происходить от него посредством каких-то обезьяноподобных приматов.

Я почувствовал, что разговор вот-вот накалится до крайности, как вдруг он неожиданно прекратился вообще — противники случайно затронули такую тему, которая тут же примирила обоих. Впрочем, их дискуссии почти всегда кончались подобным образом.

На этот раз, вернувшись к теме, с которой начался спор, оба пришли к выводу, что независимо от того, каким образом возникло человечество, нельзя не восхищаться его высокой культурой. Они с гордостью принялись перечислять достижения цивилизации. Эта тема заинтересовала и остальных. Бэсэртс превозносил химию, говоря, что она дошла до такого уровня развития, при котором неизбежно долж-

на исчезнуть как самостоятельный предмет изучения, слившись с физикой.

Морено стал восхищаться успехами медицины и, в частности, хирургии, благодаря которым удалось постичь самую сущность природы жизненных явлений. Удивительные открытия позволяли надеяться, что в недалеком будущем живые организмы обретут бессмертие. После этих тирад противники принялись наперебой расхваливать высокие достижения астрономии. Ведь уже найден способ сноситься с семью планетами солнечной системы, а на очереди уже были звезды.

Устав от собственного энтузиазма, оба защитника прогресса смолкли. Этим молчанием воспользовались остальные гости, чтобы высказать свои соображения. Разговор зашел о практических изобретениях, которые так улучшили условия человеческой жизни. Восхвалялись железные дороги и пароходы, облегчившие перевозку тяжелых, громоздких грузов, всевозможные летательные аппараты, тоннели для пневматических или электрических поездов, проложенные под морями и континентами. Восхвалялись многочисленные машины, одна хитроумнее другой, заменяющие труд сотен людей, книгопечатание, фотография цвета, звука, света, теплоты и

колебаний эфира. Более всего славили электричество, эту гибкую, послушную, досконально изученную силу, приводящую в движение различные механизмы, морской, подводный и воздушный транспорты; благодаря ей люди смогли переписываться, беседовать и видеть друг друга на любом расстоянии.

Я тоже, признаюсь, принял участие в этом прославлении цивилизации. Все сошлись на том, что человечество достигло уровня умственного развития, неведомого до нашей эпохи, и скоро окончательно покорит природу.

— Однако, — воспользовавшись паузой, сказал своим тоненьким голоском председатель Мендоса, — я позволю себе заметить, что подобного уровня цивилизации уже достигали некоторые народы, которые исчезли с лица Земли, не оставив ни малейших следов...

— Какие народы? — хором спросили все.

— Ну, например, вавилоняне...

Последовал взрыв хохота. Сравнить вавилонян с современным человечеством!

— Египтяне, — невозмутимо продолжал Мендоса.

Раздался новый взрыв смеха.

— Также атланты, которые лишь по нашему неведению считаются обитателями мифи-

ческой страны. Добавьте к этому списку другие народы, предшествовавшие атлантам. Они могли появиться, процветать и исчезнуть, тогда как мы не имеем об этом ни малейшего представления.

Дон Мендоса упорствовал, доказывая этот парадокс, и чтобы не обижать его, мы сделали вид, что согласны с ним.

— Видите ли, мой друг, — начал внушать Морено тем наставительным тоном, которым обычно дают разумные советы непослушным детям, — я думаю, вы не станете утверждать, что какой-то из этих народов смог достичь уровня развития цивилизации, равного современному. Я еще допускаю такое равенство в области духовной культуры, но в области технического прогресса...

— А почему бы и нет? — возразил дон Мендоса.

— Потому что особенность наших открытий, — старался объяснить Бэсэртс, — в том, что они мгновенно разносятся во все уголки земного шара, и гибель одного или даже многих народов не могла бы предать забвению все многочисленные изобретения. Для того чтобы полностью исчезли все плоды человеческих усилий, нужно, по крайней мере, чтобы все население Земли вдруг перестало бы существо-

вать. Неужели вы допускаете такую гипотезу?

Пока мы беседовали подобным образом, в бесконечной вселенной продолжали разворачиваться ужасные события, которые через минуту вполне подтвердили скептицизм Мендосы, но мы даже не подозревали об этом и продолжали мирно беседовать, одни — облокотясь на стол, другие — откинувшись в кресле, бросая сочувственные взгляды на Мендосу, который, как мы считали, был окончательно сражен репликой Бэсэртса.

— Прежде всего, — спокойно ответил судья, — следует отметить, что население Земли в древности было гораздо меньше нынешнего, значит, вполне вероятно, что только один народ владел всеми накопленными знаниями. А кроме того, я не вижу ничего абсурдного в предположении, что в одну секунду может быть уничтожена вся земная поверхность.

— Ну это уж слишком! — вскричали мы хором.

Именно в этот момент произошла мировая катастрофа. Мы не успели еще закрыть рта, как послышался страшный шум. Земля тряслась и уходила из-под ног, дом качался на фундаменте.

Охваченные непередаваемым ужасом, все, толкаясь, бросились к дверям. Едва мы

выбежали из дома, вилла рухнула, похоронив под развалинами дона Мендосу и лакея Жермена, не успевших выскочить в сад. Сначала мы словно остолбенели, потрясенные происходящим, затем хотели кинуться им на помощь, как вдруг заметили садовника Релея и его жену, которые бежали к нам на вершину холма, крича изо всех сил:

— Море! Море!..

Я повернулся к океану и застыл, оцепенев от ужаса. Я даже сразу не смог понять, что именно произошло, но ясно осознавал, что творится нечто невиданное: привычный пейзаж был неузнаваем. Однако этого было вполне достаточно, чтобы похолодело сердце. Ведь природа, сама природа, которую мы считали неизблемой, так неожиданно изменилась за какую-то секунду!

Тем не менее ко мне вернулось прежнее хладнокровие. Истинное превосходство человека состоит не в том, чтобы властвовать, покоряя природу, а совсем в другом — для мыслителя в том, чтобы постичь ее, удержать бесконечную вселенную в крошечных клетках мозга, для человека действия — сохранять душевное спокойствие перед бунтом материи, уметь сказать: «Меня можно уничтожить, но не взволновать!»

Придя в себя, я понял, чем картина, стоящая перед моим

взором, отличалась от той, которую я наблюдал вот уже десять лет. Исчезла скала, и мой сад опустился до уровня океана. Волны уже смыли дом садовника, стоявший ниже виллы...

Маловероятно, что настолько поднялся уровень воды, скорее наоборот, земля резко осела, причем больше, чем на сто метров, поскольку прежний обрыв был именно такой высоты. Понижение должно было произойти довольно плавно — мы ничего не почувствовали, и океан тоже был относительно спокоен.

Осмотревшись, я убедился, что моя догадка была правильной, но заметил, что понижение продолжалось. Море все наступало со скоростью двух метров в секунду, или семи-восемью километров в час. Прикинув расстояние, которое отделяло нас от первых волн, я понял, что мы рисковали погибнуть меньше чем через три минуты, если вода будет надвигаться с той же скоростью. Я тотчас же принял решение и крикнул:

— В машину!

Разгадав мой замысел, все кинулись к гаражу и выкатили машину. В мгновение ока она была заправлена бензином, и мы как попало разместились в ней. Шофер Симона завел мотор, вскочил в автомобиль, включил передачу, и на полной скорости мы выеха-

Рисунки В. КОЛТУНОВА

ли на дорогу. Открывавший ворота Релей прыгнул на ходу, уцепившись за задние рессоры.

Мы успели вовремя! Когда автомобиль выехал на дорогу, хлынувшая вслед вода замочила колеса до втулок. Да! Теперь мы могли смеяться над догонявшим нас морем! Несмотря на чрезмерную нагрузку, моя славная машина свободно уходила от преследования волн, если только это оседание земли не будет продолжаться бесконечно...

В конце концов, у нас в запасе было, по крайней мере, два часа подъема на высоту около 1500 метров. Но очень скоро я понял, что торжествовать рано... Первый рывок машины отнес нас, правда, сразу на двадцать метров от пенистого гребня волны, но напрасно Симона пытался увеличить скорость: расстояние, отделявшее нас от воды, не увеличивалось. Груз пассажиров, конечно, замедлял ход машины. Но все-таки скорость автомобиля была точно такой же, как и скорость наступления водного потока, который отставал от нас на двадцать метров.

Определив это, мы все, кроме Симона, старательно ведущего машину, обернулись назад. Дороги за нами уже не было. Повсюду пенилась вода. Мы мчались вперед, между тем как дорога, по

которой мы проезжали, исчезала, поглощаемая морем. Водная поверхность стала спокойной, лишь местами замирала небольшая рябь. Это напоминало огромное гладкое озеро. Оно мерно росло, увеличивалось, разливалось... И самым страшным была та неумолимость, с которой преследовала нас спокойная водная масса. Напрасно мы убежали от нее — вода продолжала подниматься вместе с нами.

Симона, пристально смотревший на дорогу, сказал на одном из поворотов:

— Мы проехали полпути. Остался еще час подъема!

Все вздрогнули. Через час мы доберемся до вершины, и нам придется спускаться, спасаясь от погони надвигающейся лавины, которая все равно обрушится на нас, как быстро бы мы ни мчались.

Прошел час, а наше положение не изменилось. Мы уже видели перед собой вершину хребта, как вдруг машину сильно потрянуло и так резко занесло в сторону, что, стукнувшись о придорожные скалы, она едва не разлетелась вдребезги. Тут же позади нас выросла огромная волна, она неслась вперед, затем отступила и обрушилась, наконец, на машину, покрыв ее белой пеной. Спасемся мы или погибнем? Но вода, грозно бурля,

отошла, а мотор участил свое порывистое дыхание и ускорил ход автомобиля.

Почему так внезапно выросла скорость? Крик Анны Релей все объяснил. Бедная женщина только что заметила, что ее муж больше не держится за рессоры. Наверное, волна смыла несчастного садовника, и облегченная машина стала быстрее взбираться по склону. Вдруг она остановилась.

Впереди, меньше чем в десяти метрах от нас, дорога была отрезана, да, именно отрезана — как бы отсечена ножом. За острым гребнем, которым внезапно оканчивалась скала, начиналась пустота, темная пропасть, дно которой разглядеть было невозможно.

Уверенные, что пробил наш последний час, мы обернулись: неумолимый океан вот-вот догонит нас...

Неожиданно все, кроме несчастной Анны и ее дочерей, которые отчаянно рыдали, радостно вскрикнули. Нет, вода больше не прибывала — или, точнее, земля перестала опускаться. Видимо, тот толчок, который мы ощутили, был последним актом этой катастрофы. Океан остановился. Его уровень был примерно метров на сто ниже той площадки, где мы столпились вокруг еще дрожащей машины, похожей на запыхавшееся животное. Удастся ли нам выбраться из

этого ужасного положения? Это мы могли узнать лишь при свете дня. Оставалось только ждать. Тогда один за другим мы улеглись на земле, и, да простит мне господь, я, кажется, даже уснул.

Н о ч ь ю.

Вздвогнув, я проснулся от страшного грохота. Который час? Неизвестно. Нас еще окружала ночная мгла. Шум исходил из той бездонной пропасти, которой обрывалась дорога. Что там творится? Можно подумать, что в бездну низвергаются лавины воды или что на дне ее яростно сталкиваются огромные волны. Да, конечно это так! До нас долетали пена и брызги! Затем мало-помалу все стихло. Воцарилась тишина. Небо посветлело. Наступило утро.

25 мая.

Как это мучительно — медленное постижение реальности. Сначала мы различали лишь то, что нас окружает, затем круг расширился, увеличился, как будто наша обманутая надежда приподнимала одну за другой бесчисленное множество легких завес. И вот, наконец, яркий свет... Рассеялись последние иллюзии.

Увы! Все на редкость просто. Мы — на острове. Со всех сторон нас окружает море. Еще вчера мы видели множество горных вершин, многие из которых были выше той, где мы находились. Все эти

вершины исчезли, тогда как наша, очень неприметная, по совершенно необъяснимым причинам перестала вдруг погружаться в воду и уцелела. На месте бывших гор расстилась бесконечная водная гладь. Кругом — только море, до самого горизонта. У нас под ногами — единственный на всем этом огромном водном пространстве участок суши.

Чтобы осмотреть островок от края до края, достаточно и одного взгляда. Все-таки нам невероятно посчастливилось, что мы оказались именно здесь, на единственном уцелевшем клочке суши.

Островок очень мал — около километра в длину и полкилометра в ширину. Он приподнят над уровнем воды метров на сто и полого опускается к северу, западу и югу. А на востоке островок венчает скала, отвесно обрывающаяся в океан. Сюда и были обращены наши взоры. В этом направлении раньше поднимались ступенчатые горы, а за ними расстилалась вся Мексика. Как все изменилось за одну короткую весеннюю ночь!

Горы исчезли. Мексику поглотили воды, на их месте бескрайняя, бесплодная морская пустыня!

В ужасе глядели мы друг на друга. Без пищи, без воды, загнанные на эту голую

узкую скалу, — у нас пропала последняя надежда. В полном отчаянии мы улеглись на земле, ожидая приближения смерти.

На борту «Виргинии», 4 июня.

Я плохо помню, что произошло в последующие дни. Видимо, я потерял сознание и пришел в себя лишь на борту подобравшего нас судна. Только тогда я узнал, что мы провели на островке целых десять дней, и двое из нас — Уильямсон и Роулинг — умерли от голода и жажды. Из пятнадцати человек, находившихся у меня на вилле в момент катастрофы, уцелело всего девять: мой сын Жак, воспитанница Элен, шофер Симона, тяжело переживавший гибель машины; Анна Релей с двумя дочерьми, Морено и Бэсэртс и, наконец, я сам, в спешке пишущий эти строки в назидание потомкам, если только они появятся на свет.

«Виргиния» — одновременно паровое и парусное грузовое судно водоизмещением две тысячи тонн. Это довольно старый корабль, развивающий небольшую скорость. Капитан Моррис и его экипаж из двадцати человек — англичане.

«Виргиния» месяц назад вышла из Мельбурна и двигалась на восток к Росарио. Плавание проходило без про-

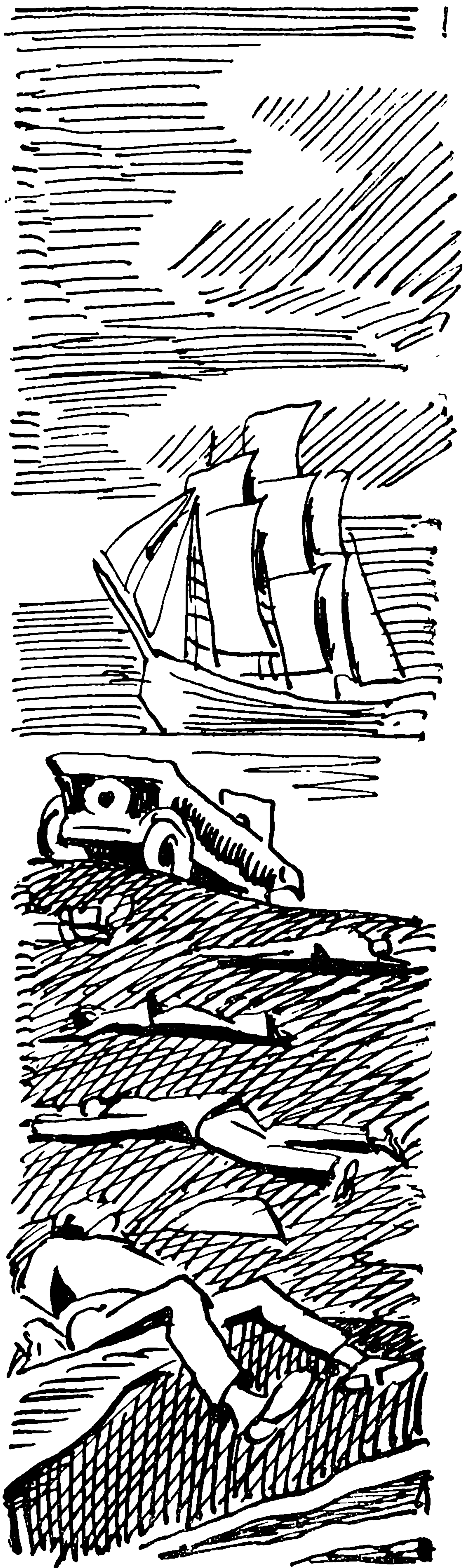
исшествий, как вдруг в ночь с 24 на 25 мая поднялись ужасные волны огромной высоты, но, к счастью, и пропорциональной длины — это спасло судно. Несмотря на странность этих волн, капитан и не подозревал, что они были предвестниками жуткой катастрофы, происшедшей на всем земном шаре. Он был очень удивлен, увидев лишь морскую гладь в том месте, где должен был находиться Росарио. От всего побережья уцелел только островок, куда и причалила шлюпка с «Виргинии». Матросы обнаружили одиннадцать бесчувственных тел, в девяти из них еще теплилась жизнь... Так мы были спасены...

На суше. Январь или февраль.

Со дня моей последней записи прошло восемь месяцев. У меня исчезло точное представление о времени, и мне трудно сказать, какой сейчас месяц — январь или февраль...

Эти восемь месяцев были самыми ужасными за все время испытаний: мы постепенно осознавали всю трагичность нашего положения.

Подобрав нас, «Виргиния» на полном ходу продолжала двигаться на восток. Когда я очнулся, островок, где мы едва не погибли, давно уже скрылся за горизонтом. Благодаря ясному небу

капитану удалось установить координаты, и оказалось, что мы плывем именно там, где должен был находиться Мехико. Но от города не осталось ни малейших следов. Так же бесследно исчез и центральный горный массив, который пытались разыскать в то время, когда я был в беспамятстве. Повсюду, куда ни бросить взгляд, было лишь бескрайнее море — ни клочка земли! В этой сплошной морской глади было что-то, наводящее ужас. Мы чувствовали, что вот-вот лишимся рассудка. Ведь вся Мексика затоплена! Мы в страхе переглядывались, спрашивая себя, какие еще опустошения нанесла эта жуткая катастрофа? Капитан тоже, видимо, хотел узнать это и изменил курс на север.

Пусть больше не существует Мексики! Но не мог же исчезнуть весь Американский континент!

Увы, он исчез! Напрасно целых двенадцать дней мы двигались к северу — нигде мы не обнаружили суши. Капитан менял курс раз за разом, в течение месяца «Виргиния» плыла на юг, но и там мы не встретили и островка земли. Как ни парадоксальна была истина, у нас хватило сил убедиться в ее очевидности — да, весь Американский материк находился под водой.

Неужели нам удалось спа-

стись лишь затем, чтобы вторично познать смертные муки? К сожалению, были все основания для таких опасений. Не говоря уже о продовольствии, которое в один прекрасный день кончится, что будет с нами, когда из-за отсутствия угля остановится двигатель? Так перестает биться сердце обескровленного животного...

Вот почему 14 июля (мы как раз находились на месте бывшего Буэнос-Айреса) капитан Моррис приказал потушить топку и поднять паруса. Затем он собрал экипаж и пассажиров «Виргинии» и в нескольких словах изложил ситуацию. Он попросил всех поразмыслить и предложить какой-нибудь выход из этого положения на завтрашнем совете. Не знаю, пришел ли кому-нибудь в голову хитроумный план, но что до меня, я, признаюсь, решительно ничего не мог придумать.

Но вдруг поднявшаяся ночью буря сама разрешила эту проблему. Разбушевавшийся ветер увлекал за собой судно. Нужно было спасаться — как можно скорее плыть на запад, иначе каждую минуту нас могло поглотить свирепое море...

Ураган продолжался 35 дней, ни на мгновение не прекращаясь и не затихая. Мы уже начали сомневаться, кончится ли он когда-нибудь,

как вдруг 19 августа хорошая погода наступила так же внезапно, как и прекратилась. Капитан этим воспользовался, чтобы определить наши координаты: мы были на месте Пекина.

Значит, во время бури мы проплыли над Полинезией и, может быть, над Австралией, даже не заметив этого. А там, где мы плыли сейчас, раньше была столица империи с четырехсотмиллионным населением. Неужели Азия подверглась той же участи, что и Америка?

Скоро мы убедились в этом. Плывая на юго-запад, «Виргиния» достигла сначала Тибетских гор, а затем Гималаев. Здесь должны были находиться высочайшие вершины земного шара. Но ни в одном направлении ничто не нарушало бескрайнюю гладь океана. Значит, видимо, не существовало другой суши, кроме того островка, на котором спаслись мы, единственные люди, пережившие эту катастрофу, последние обитатели мира, погребенного сейчас под спокойным саваном вод.

А если это так, мы тоже скоро погибнем. Несмотря на строгий рацион, продовольствие кончалось, и не было никакой надежды на пополнение запасов.

Я умышленно так кратко описываю это страшное плавание, ведь чтобы подробно

рассказать обо всем, мне пришлось бы вновь мысленно пережить те дни, и, боюсь, я бы сошел с ума от воспоминаний.

Какими бы страшными и ужасными ни были события, которые предшествовали или следовали за этим плаванием, каким плачевным ни казалось бы мне будущее — будущее, которого я не увижу, — всю силу страданий мы познали во время этого адского путешествия. О это вечное движение по нескончаемому морю! Постоянное ожидание высадки, последнего дня плавания, который все не наступал! О эта жизнь, когда, склонившись над картой, на которой люди провели извилистые линии берегов, ты твердо знаешь, что ничего, абсолютно ничего не осталось больше от этих мест, считавшихся вечными... Как мучительно было сознавать, что Земля, которая трепетала раньше под тяжестью бесчисленных живых существ, в одно мгновение исчезла под водой, что миллионы людей и мириады животных, населявших все ее уголки, разом угасли, как угасает маленький огонек от дуновенья ветра... Напрасны были наши поиски жизни! И вот пришел тот день, когда мы до конца постигли окружающую нас пустоту, безмолвие и собственное одиночество среди безжалостной вселенной!

Не знаю, удалось ли мне найти нужные слова, чтобы передать всю владевшую нами скорбь? Мне кажется, ни на одном языке нет таких слов, которые хотя бы частично могли бы воссоздать картину событий, каких до нас не довелось испытать ни одному человеку...

Обнаружив на месте полуострова Индостан все то же море, мы в течение десяти дней двигались к северу, а затем взяли курс на запад. Ничего нового! Мы пересекли цепь Уральских гор, ставших теперь подводными, и плыли над тем, что когда-то называлось Европой. Затем мы спустились на 20° ниже экватора и, обессилев от бесплодных поисков, снова повернули на север, пройдя над водной поверхностью, скрывающей Африку и Испанию. По правде говоря, мы уже стали понемногу привыкать к нашему жуткому положению. По мере продвижения мы машинально отмечали по карте путь, говоря:

— Здесь была Москва, Варшава, Берлин, Вена, Рим, Тунис, Томбукту, Сен-Луи, Оран, Мадрид...

Но, привыкнув, мы произносили эти трагические слова все более безразлично.

И все-таки я не совсем разучился страдать! Я убедился в этом (примерно одиннадцатого декабря), когда капитан Моррис сказал мне:

— Здесь был Париж!

Я вдруг почувствовал, что от боли у меня разрывается сердце. Пусть будет затоплена вся вселенная! Но Франция, моя Франция и Париж, ее символ! Мне почудилось, что я слышу какие-то рыдания. Я обернулся — это плакал Симона.

В течение следующих четырех дней мы двигались на север, затем, достигнув уровня Эдинбурга, повернули на юго-запад в поисках Ирландии, и, наконец, был взят курс на восток. Теперь мы брели наугад, так как больше не было смысла идти в каком-то определенном направлении...

Мы прошли над Лондоном, и его подводной могиле отдал честь весь экипаж.

Пять дней спустя, когда мы были где-то в районе Данцига, капитан Моррис приказал взять курс на юго-запад. Рулевой пассивно подчинился. Что это могло изменить? Ведь кругом было одно и то же — море!

Через девять дней был съеден последний сухарь. Мы в полной безнадежности глядели друг на друга. Неожиданно капитан Моррис велел зажечь топку. Зачем? Я до сих пор не могу этого понять. Но приказ был выполнен, скорость судна возросла.

Через два дня мы уже сильно страдали от голода. На следующий день почти все упря-

мо отказывались подняться. Продолжали двигаться лишь капитан Моррис, Симона, несколько человек из экипажа и я — мы кое-как управляли судном.

Назавтра, то есть на пятый день голода, число добровольных рулевых и механиков уменьшилось. На следующие сутки ни у кого из нас не было сил держаться на ногах. Мы путешествовали более семи месяцев, бороздя море во всех направлениях.

Было восьмое января. Я не совсем уверен в точности даты: мы сбились с календаря. В тот день я стоял у штурвала, напрягая все слабеющее внимание, чтобы идти по курсу. Вдруг мне показалось, что я различаю что-то на западе. Я силился рассмотреть это, полагая, что все равно мне только мерещится... Но нет, я не ошибся! Я крикнул изо всех сил:

— Право по борту земля!!

Какой магический эффект произвели эти слова! Все умирающие словно ожили, и их исхудалые лица показались над стрингером правого борта.

— Да, это земля! — подтвердил капитан Моррис, разглядывая туманную полосу, появившуюся на горизонте.

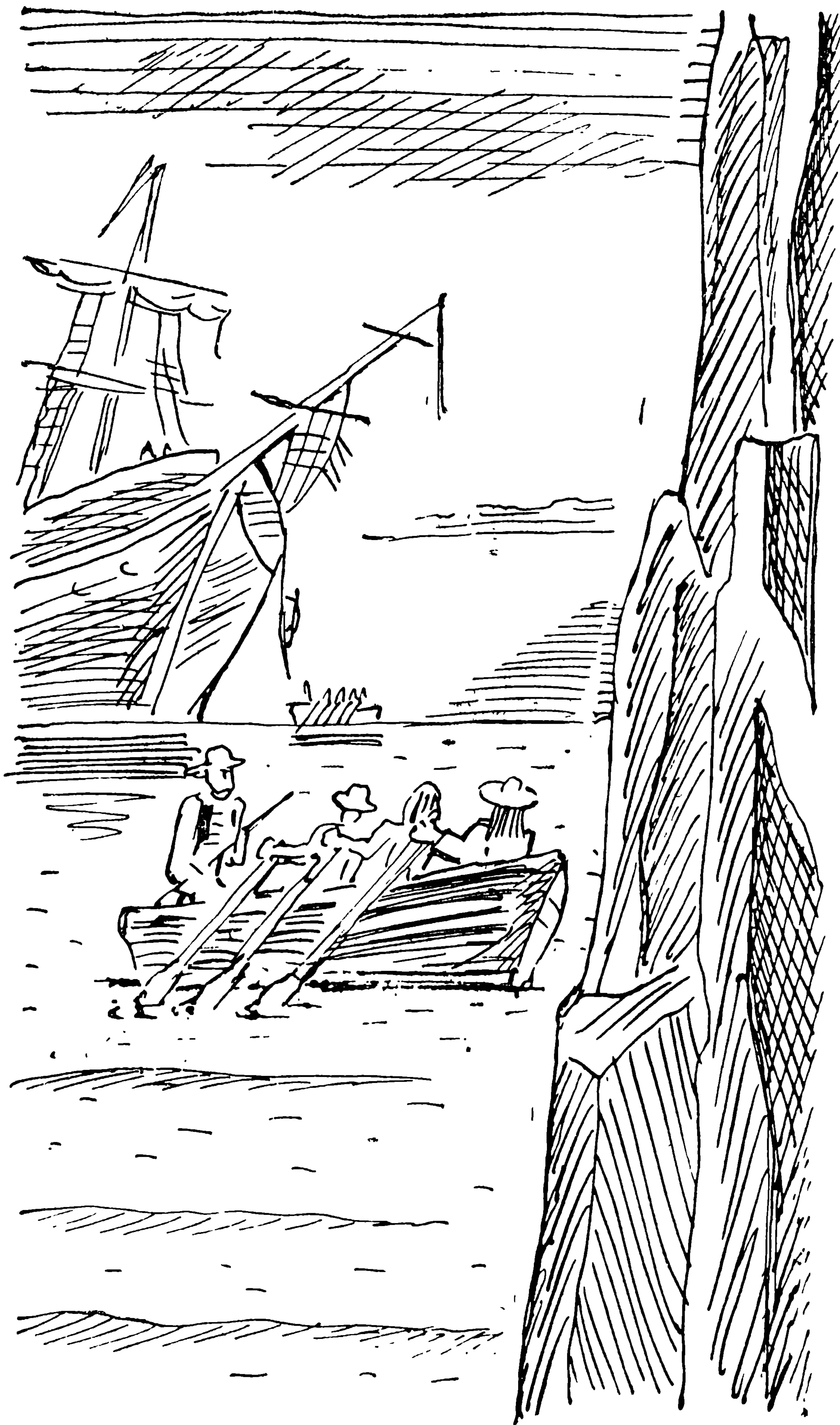
Через полчаса не осталось никаких сомнений. Да, после тщетных поисков земли на поверхности всех бывших континентов мы нашли ее, нако-

нец, посреди Атлантического океана. К трем часам можно было уже разглядеть очертания побережья, преграждающего нам путь, и мы почувствовали, как вновь нас охватывает отчаяние. Ведь этот берег не походил ни на один другой, никому из нас не доводилось встречать такую абсолютную, совершенную первозданность.

На той земле, где мы жили до катастрофы, преобладал зеленый цвет. Здесь же, на этом скудном берегу, не было ни одного кустика, ни пучка травы, ни, наконец, хотя бы следов мха или лишайника. Мы различали лишь высокую темную скалу, у подножия которой были нагромождены камни. Ни деревца, ни травинки! Полная, сплошная бесплодность!

Двое суток мы шли вдоль этих обрывистых скал, не обнаружив ни малейшей расщелины. И лишь вечером второго дня мы заметили просторную бухту, хорошо защищенную от всех окрестных ветров, в глубине которой и бросили якорь. Доплыв на лодках до берега, мы сразу же занялись поисками пищи. Весь берег был покрыт миллионами раковин и населен сотнями черепах. В трещинах рифов обитало баснословное количество крабов, омаров и лангуст, не было недостатка и в рыбе. Нам стало ясно, что это бо-

гатое море — может прокормить нас неограниченное время, если мы не найдем другого источника пищи.

Чемного подкрепившись, по ущелью в скале мы добрались до плоскогорья. Нашим взорам открылось огромное пространство. Да, внешний вид берега с корабля не обманул нас. Везде и всюду — бесплодные камни, покрытые высохшими водорослями, ни травинки! Никакой жизни ни на земле, ни на небе! Местами виднелись маленькие озера, скорее пруды, блестящие под лучами солнца. Когда нам захотелось утолить жажду, мы обнаружили, что в них соленая вода.

Честно говоря, мы не были удивлены. Факты подтверждали наши догадки — этот неизвестный континент появился совсем недавно, целиком выйдя из морских глубин. Этим объясняются его бесплодность и пустынность, а также возникновение плотного слоя тины, покрывающего поверхность. Высохнув, эта тина начинала трескаться и обращаться в пыль.

На следующий день капитан Моррис определил наши координаты: 17°20' с. ш. и 23°55' з. д. Обратясь к карте, мы увидели, что эти точки расположены посреди Атлантического океана, недалеко от Зеленого Мыса. Но, однако, теперь земля — на западе и

море — на востоке простирались до горизонта.

Каким бы неприветливым и негостеприимным ни был континент, где мы высадились, выбора у нас не было... Вот почему «Виргиния» была быстро разгружена. На берег перенесли все без разбора. Судно прочно закрепили на четырех якорях на глубине пятнадцати брассов. В этой спокойной бухте оно было в безопасности, и мы могли оставить его без присмотра.

Наша новая жизнь началась, как только окончилась разгрузка.

Прежде всего следовало...

* * *

Переведя эти строки, зартог Софр был вынужден остановиться. Следующие страницы были повреждены. Судя по их количеству, они содержали, видимо, важные сведения. А дальше следовали лишь отдельные отрывки в таком порядке.

* * *

...мы начали привыкать. Сколько времени прошло со дня нашей высадки? Я потерял счет дням. Я спросил у доктора Морено — он ведет календарь. Доктор ответил:

— Шесть месяцев. Возможно, я ошибаюсь на несколько дней.

Да, мы уже сбились со счета. Потребовалось всего полгода, чтобы начать сомневаться, правильно ли мы исчисляли время.

Если так пойдет и дальше, хорошие же нас ждут перспективы!

Впрочем, эта слабая ориентация во времени не удивительна. Ведь все усилия уходят лишь на заботы о самосохранении. Добывание пищи занимает весь день. Чем мы питаемся? Рыбой, когда ее удастся поймать, но это становится все труднее и труднее. Постоянная опасность просто спугнула ее. Едим еще черепаши яйца и некоторые съедобные водоросли. К вечеру мы сыты, но настолько измучены, что думаем лишь о сне. Из парусов «Виргинии» мы соорудили самодельные палатки. Мне кажется, нужно поскорее построить более прочное жилище.

Иногда случается подстрелить птицу. Небо не так уж пустынно, как нам показалось вначале. Над этим новым континентом летает около десятка известных пород птиц, как правило, перелетных: ласточки, альбатросы, кондоры и другие. Им тоже, видимо, нелегко найти себе корм на этой скудной, лишенной растительности земле, поэтому они постоянно кружатся над лагерьем, привлекаемые остатками нашей скудной трапезы.

А случается, мы находим просто на земле какую-нибудь птицу, умершую от голода. Такие находки берегают нам ружья и порох.

К счастью, все же есть надежда, что наше ужасное положение улучшится. В трюме «Виргинии» обнаружили мешок пшеницы, и мы посеяли часть зерна. Если сев удался, наша жизнь станет намного легче. Но прорастет ли зерно в почве, покрытой наносами, песчаным илом, пусть даже и удобренной водорослями (как ни скудна здешняя земля, это все-таки перегной)? Когда мы высадились на материк, вся его поверхность была пропитана солью, но проливные дожди сильно увлажнили почву, и теперь все впадины наполнены пресной водой. К сожалению, вода в реках и ручьях еще солоновата — значит, глубинные слои почвы пока насыщены солью...

Чтобы посеять зерно и сохранить для запаса половину мешка, пришлось выдержать целое сражение. Часть экипажа «Виргинии» настаивала на немедленной выпечке хлеба. Но остальные были против, так как...

* * *

...которые были на борту «Виргинии». Эти две пары кроликов убежали куда-то в глубь материка, и больше их

не было видно. Они, видимо, нашли себе пропитание. Другого объяснения нет, нежели земля способна произвести...

* * *

...прошло не меньше двух лет, как мы здесь. Посев зерна удался на славу. Хлеба у нас почти вдоволь, а поля все разрастаются, но какую войну приходится вести с птицами! Их развелось великое множество, и они летают над колосьями злаков...

* * *

Несмотря на смерти, о которых я уже писал, наше маленькое племя не уменьшается, а, наоборот, все растет! У моего сына и воспитанницы — трое детей. По трое и в остальных трех семьях. Эта детвора пышет здоровьем. Можно предположить, что человеческий род стал сильнее и жизнеспособнее с тех пор, как настолько уменьшился. Но множество причин...

* * *

...здесь уже десять лет, но до сих пор ничего не знали об этом континенте. Нам был хорошо знаком лишь район в радиусе нескольких километров от лагеря. Доктор Бэсэртс упрекнул нас в нелюбознательности, и по его настоянию мы

в течение полугода снаряжали «Виргинию» и, наконец, приняли эту научную экспедицию.

Она завершилась позавчера. Путешествие оказалось продолжительнее, чем мы предполагали. Но нам хотелось увидеть как можно больше. Мы проплыли вокруг всего материка. Этот континент и тот островок, где мы спаслись, по-видимому, единственные участки суши на всем земном шаре. Побережье везде одинаковое — дикое и гористое.

Наше плавание прерывалось частыми вылазками в глубь материка. Особенно мы надеялись найти следы Азорских островов и Мадейры, которые до катастрофы находились в Атлантическом океане и должны были составлять часть нового континента. Но ничто не подтвердило это предположение. Нам лишь удалось обнаружить, что в том месте, где раньше были эти острова (центр ужасных вулканических явлений, несомненно, находился именно здесь), земля была изрыта и выстлана толстым слоем лавы.

В общем, искали мы одно, а нашли совсем другое. В районе, где должны были быть Азорские острова, мы обнаружили наполовину покрытые лавой продукты человеческого труда, причем относящиеся не к нашей эпохе, а

к далекому прошлому. То были обломки колонн и глиняной посуды, каких мы никогда не встречали. Внимательно изучив находки, доктор Морено выдвинул гипотезу, что все это осталось от древней Атлантиды, а вулканический взрыв извлек эти остатки на поверхность.

Может быть, доктор Морено и был прав. Если Атлантида когда-нибудь существовала, она должна была находиться где-нибудь в районе нового континента.

Было бы весьма любопытно, если подобная смена трех цивилизацией, появившихся независимо друг от друга, произошла в одной и той же географической области. Но как бы интересна ни была эта гипотеза, признаюсь, меня она абсолютно не взволновала — у нас столько забот в настоящем, что думать о прошлом нет времени...

Вернувшись, мы вдруг обратили внимание на расположение нашего лагеря и удивились, насколько оно удачно. Прежде всего тут изредка попадает зеленый цвет, встречающийся прежде в таком изобилии, тогда как на остальной части материка он полностью отсутствует. До сих пор мы как-то этого не замечали. Когда мы сюда высадились, нигде не было ни травинки, теперь же лагерь окружала зелень. Правда, ее было немно-

го: в основном те древние виды растений, семена которых, возможно, занесли птицы. Впрочем, это не значит, что тут не было другой растительности. Природа совершила какой-то странный процесс ассимиляции, и на всем континенте стали появляться зачатки новой своеобразной флоры. Многие из них успешно развиваются и обещают устлать землю зеленым ковром.

Морские растения, покрывавшие континент, когда он выступил из воды, большей частью погибли под лучами солнца. Некоторые, однако, выжили в озерах, прудах и лужах, которые жара постепенно высыхивала. Но одновременно возникали новые ручьи и реки, пригодные для жизни водорослей, потому что вода была в них соленой. Когда верхние, а затем и глубинные слои земли лишились соли и вода стала пресной — большинство этих водорослей погибло. Но некоторые, приспособившись к новым условиям, могли так же хорошо существовать в пресной воде, как и в соленой. Более того, некоторые, обладавшие наибольшей приспособляемостью, сумели потом прижиться на суше — сначала по берегам, а затем распространяясь все дальше в глубь континента.

Это превращение происходи-

ло у нас на глазах, и мы убедились, что растения могут меняться как внешне, так и по своим свойствам. Некоторые стебельки уже робко тянутся к свету.

Возможно, из этих стебельков возникнет совершенно новая флора, и между только что появившимися и древними растениями завяжется яростная борьба.

То же творится и в животном мире. По берегам водоемов обитают древняя морская фауна, моллюски, ракообразные, которые постепенно превращаются в земноводных. Воздух населен летающими рыбами — впрочем, скорее птицами, чем рыбами. Их крылья неизмеримо выросли, а хвосты изогнулись таким образом, что...

* * *

Последний фрагмент являлся концом рукописи.

* * *

...совсем старые. Умер капитан Моррис. Доктору Бэсэртсу шестьдесят пять лет, Морено — шестьдесят, мне — шестьдесят восемь. Все мы скоро простимся с жизнью. Но раньше, каждый по мере сил, исполнит свой долг — мы должны помочь будущим поколениям в борьбе, которая их ожидает. Но появятся ли они, эти будущие поколения?

Я ответил бы утвердительно, если бы исходил только из численного увеличения нашего племени — дети рождаются непрерывно, причем в этом здоровом климате, при отсутствии хищников человек долголетен.

Наша маленькая колония уже выросла втрое.

Но, несмотря на это, я вынужден дать отрицательный ответ, принимая во внимание глубокое духовное вырождение моих собратьев.

А ведь эта горсточка людей находилась в таких благоприятных условиях, что могла бы воспользоваться сокровищами человеческих знаний.

Среди нас был на редкость энергичный человек, покойный капитан Моррис, двое людей очень высокой культуры — мой сын и я сам, а также двое настоящих ученых — Бэсэртс и Морено. Такие люди, казалось, могли чего-то добиться. Но мы ничего не сделали. С первых же дней мы только заботимся о нашем самосохранении. И по сей день мы тратим все время на поиски пищи, а вечером, смертельно усталые, моментально засыпаем.

Увы! Слишком очевидно, что человечество, единственными представителями которого мы являемся, быстро регрессирует.

Наступит тот день, когда

оно вернется к первоначальному животному состоянию.

Черты этой деградации заметны прежде всего у матросов «Виргинии» — людей невежественных. Но и мой сын и я забыли то, что знали. Мозг доктора Бэсэртса и доктора Морено в полном бездействии. Можно сказать, что наша умственная деятельность прекратилась. Как хорошо, что много лет назад мы совершили плавание вокруг материка! Теперь у нас не хватило бы на это мужества, а кроме того, умер капитан Моррис — руководитель экспедиции. Да и «Виргиния» развалилась от ветхости.

В начале пребывания кое-кто попытался соорудить себе жилища. Эти незаконченные постройки превратились сейчас в развалины.

Давно превратилась в лохмотья одежда, когда-то прикрывавшая наши тела. В течение нескольких лет мы мастерили себе костюмы из водорослей, но эти костюмы становились все более примитивными; наконец, мы отказались от них совсем — климат настолько мягок, что все ходят голыми, совсем как дикари.

Еда — вот что стало нашей постоянной целью, нашим единственным занятием.

Впрочем, еще сохранились какие-то остатки прежних понятий и былых чувств. Мой сын Жак, зрелый мужчина,

уже дедушка, не утратил своей привязанности ко мне, шофер Модест Симона смутно помнит, что когда-то я был его хозяином...

Но эти слабые признаки рода человеческого, к которому мы раньше принадлежали (сейчас нас нельзя больше называть людьми), угаснут вместе с нами. Те, кто появится здесь в будущем, не узнают иной жизни. Человечество будет представлено этими существами, не умеющими читать, считать, едва владеющими речью, их детенышами с острыми зубами — воплощением лишь ненасытного чрева. Затем появятся новые взрослые и новые дети, потом придут следующие поколения, все более похожие на животных, все более далекие от своих мыслящих предков.

Мне кажется, что я уже вижу этих будущих людей, забывших членораздельную речь, с потухшим разумом, с телом, покрытым жесткой шерстью, которые бродят в этом пустынном мире...

Впрочем, мы попытаемся что-нибудь сделать, чтобы этого не произошло. Мы примем все меры, чтобы завоевания человечества, к которому мы принадлежали, не исчезли бесследно. Доктор Морено, доктор Бэсэртс и я должны заставить уснувший мозг вспомнить то, что он знал. Разделив между собой эту

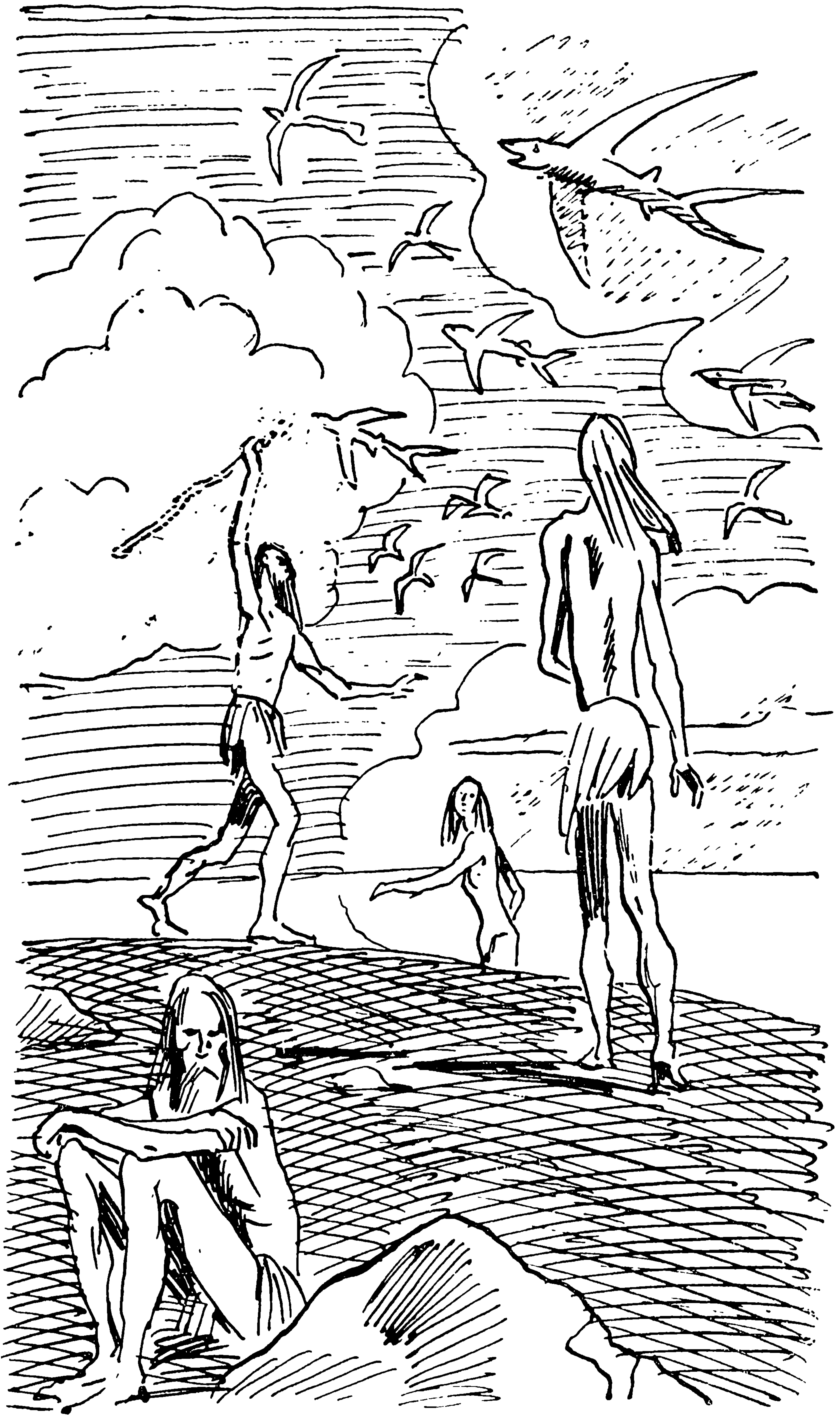
работу, мы опишем все, что нам было известно в различных областях науки. Мы воспользуемся бумагой и чернилами, найденными на «Виргинии». И если люди обесславят себя, а затем после более или менее длительного периода одичания почувствуют, как пробуждается жажда знаний, пусть им поможет этот рассказ о делах далеких предков. Смогут ли они тогда почтить память тех, кто приложил все усилия, чтобы облегчить тягостный путь неведомым братьям, не питая надежд на то, что их труд будет по достоинству оценен...

* * *

На пороге смерти.

Прошло около пятнадцати лет с тех пор, как я сделал последнюю запись. Уже нет в живых доктора Бэсэртса и доктора Морено. Из всех, высадившихся здесь, я — самый старый. Но смерть скоро придет за мной. Мой час пробил, я чувствую, как она поднимается от холодеющих ног к сердцу, и оно начинает останавливаться...

Наш труд окончен. Я положил рукопись, содержащую краткое изложение всех знаний, накопленных человечеством, в железный ящик, выгруженный с «Виргинии», и глубоко закопал его в землю. Рядом я зарюю свои записи и

спрячу их в алюминиевый футляр.

Найдет ли кто-нибудь этот клад? Да и будет ли хоть кто-нибудь искать его? Все в руках судьбы! На все воля божья!

* * *

По мере того как зартог Софр переводил этот странный документ, чувство, напоминающее страх, сжимало его душу. Неужели население Андарт-Итен-Шу происходило от этих людей, долгие месяцы скитавшихся в пустынном океане и высадившихся, наконец, именно в той части побережья, где возвышается сейчас Базидра?

Значит, эти несчастные существа были представителями того славного человечества, в сравнении с которым современных людей можно считать младенцами, едва начинающими говорить... Но для того чтобы бесследно исчезла вся вековая мудрость этих могущественных народов, было достаточно самой малости — едва заметного содрогания земной коры!

Как горестно, что рукопись, о которой упоминалось в записках, погибла вместе с железным ящиком! Нет даже надежды, что их можно разыскать, ведь, закладывая фундамент, рабочие перекопали всю землю...

Алюминиевый футляр устоял перед разрушительной работой времени, а железный ящик, видимо, просто обратился в пыль.

Всего этого было достаточно, чтобы поколебать оптимизм Софра. Если рукопись и не содержала никаких технических подробностей, то она изобиловала общими замечаниями, неопровержимо указывающими на то, что погибшее человечество стояло гораздо ближе к познанию истины, чем современное поколение.

Софру было известно все, о чем говорилось в этой рукописи, однако здесь упоминались и такие научные открытия, которые он не мог даже вообразить. Он нашел разгадку тайны этого имени — Хидем, вокруг которого велось столько бесплодных споров.

Хидем — это искаженное Эдем, а то, в свою очередь, происходит от Адама. А может быть, и имя Адам тоже лишь вариант еще более древнего имени?

Хидем, Эдем, Адам — вечный символ первого человека и объяснение его появления на Земле.

Значит, Софр ошибался, отрицая его существование — теперь оно подтвердилось рукописью. Были правы народы, рассказывавшие легенду о первых людях, похожих на них самих.

Впрочем, ни эта легенда, ни

остальные притчи не были плодом воображения обитателей Маарт-Итен-Шу. Они лишь повторяли то, что уже когда-то было сказано. Возможно, современники автора записок тоже не были первопроходцами, а вновь проделали путь, проложенный другим человечеством, населявшим Землю еще до них? Ведь упоминался же в рукописи какой-то народ, названный атлантами...

Во время раскопок, произведенных Софром, под слоем морского ила, вероятно, и были обнаружены едва сохранившиеся следы этих атлантов. Насколько близко подошла к познанию истины эта древняя нация к тому моменту, когда вторжение океана смело ее с лица Земли? Но каков бы ни был этот народ, после катастрофы не осталось никаких следов его завоеваний, и человечество должно было с самого начала совершать восхождение к знаниям.

То же может случиться с нынешними обитателями Андарт-Итен-Шу... А может

быть, подобное произойдет и после них, в тот самый день...

Но наступит ли тот день, когда неутолимая человеческая любознательность будет, наконец, удовлетворена и человек, окончив свое долгое и трудное завоевание, сможет отдохнуть на покоренных высотах?

Так размышлял зартог Софр, склонившись над бесценной рукописью... Под впечатлением этого рассказа, извлеченного из загробного мира, он представил ужасную драму, постоянно происходящую во вселенной, и сердце его было переполнено состраданием.

Испытывая тягостные терзания из-за неисчислимых бедствий, которые выпали на долю живших до него, сгибаясь под тяжестью этих тщетных усилий, слившихся в бесконечности времени, зартог Софр-Аи-Ср медленно и мучительно, но вместе с тем глубоко убеждался в вечном возобновлении жизни.

Перевела с французского М. ТАЙМАНОВА

